ственно, что сближает волка с вóроном, это то, что они оба существа „волшебного порядка". Волк может быть человеком, оборотнем. Это поверье очень древнее. У славян, в том числе у русских, имеется свое слово для этого понятия: волкодлак, волколак,[1] у сербов — вукодлак, но уже не в значении волка — оборотня, а мертвеца-упыря — вампира, так же как и болгарский влъколакъ. Следовательно, волк может быть просто зверем, и тогда он „серый", это его постоянный эпитет. Но волк может быть оборотнем, волкодлакой, тогда он волшебный, „босый". Князь Игорь „босым волком", т. е. оборотнем, скочил с коня и помчался далее. Таким образом слово „босый" отнюдь не постоянный эпитет и не равнозначаще нерусскому слову „бусый". „Босый" это свойство, присущее особым волкам — оборотням. Слова „Всеслав лютым зверем скочи из Киева до Дудуток", возможно, имеют тот же смысл. Недаром Всеслав именуется вещим. Это же прозвище волка встречаем мы и в летописи — в имени московского боярина и тысяцкого Алексея Петровича Босоволкова под 1347 годом.[2]

У арабского историка X века Масуди мы находим известие, что у славян вóрон был посвящен божеству, считался священной птицей. В сочинении „Золотые луга", говоря о языческих храмах славян, Масуди сообщает следующее: „Другое здание построено было на Черной горе, окруженной чудотворными водами различного цвета и вкуса, которых целебная сила повсюду известна. Там есть у них большой идол, изображающий... человека... под ногами его изображены муравьи, вороны и другие подобные птицы".[3] И в позднейших сказаниях, несмотря на влияние христианства, вóрон сохраняет характер волшебной птицы. Правда, из вещего он становится зловещим. Но в сказках мы еще находим отголосок древних воззрений, когда вóрон являлся священной и благодетельной птицей: он приносит мертвую и живую воду, чтобы оживить убитого.

Значение слов „босый", „босув" забылось с утратой каких-то древних верований. К счастью, мы еще можем уяснить себе его подлинное древнее значение. В словаре древнерусского языка И. Срезневский приводит слово „босъ", множественное „босове". Оно встречено в Псалтыри XI века в тексте толкований на псалом 118, стих 150: „От закона же твоего удалишася"; толкование: „далече бо быша от своея чьсти и бога босове". Исходя из греческого оригинала, И. Срезневский дает объяснение: бос дьявол, демон, босов, босув — прилагательные.[4]

Итак, слово „босъ", множественное „босове", передает греческое слово „демон", которое в древности означало божество вообще, а с принятием христианства — духа зла, бѣса. Такое же изменение смысла произошло, повидимому, и в русском языке: может быть, при наличии слова „бѣсъ" слово „босъ" исчезло как излишнее. Прилагательное

---

[1] А. Преображенский. Этимологический словарь. Волкодлака значит — волчья шерсть. Ср. севское — волколака. В индексе книг ложных и запрещенных, указаны и такие, которые учат, как превращаться в разных зверей: „в них же суть вся дванадесять опрометных лиц звериных и птичьих" (К. Калайдович. Иоанн Экзарх Болгарский. М., 1821, стр. 211).

[2] См.: М. Н. Тихомиров. Древняя Москва, стр. 77. — П. И. Прейс еще в 1840-х годах сопоставил это имя с эпитетом „босый" в „Слове о полку Игореве". См. статью М. П. Алексеева в сборнике статей „Слово о полку Игореве" под ред. В. П. Адриановой-Перетц (Л., 1950, стр. 247).

[3] Сочинение Масуди „Золотые луга", 956—957 г. См.: И. Срезневский. Архитектура храмов языческих славян. Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1846, 3, IV.

[4] И. Срезневский не делает вывода из своего открытия; он приводит цитату „босуви врани възграяху", но так и оставляет вопрос нерешенным.